
В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. I
Статьи и рецензии. 1834-1841
ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948
Под общей редакцией Ф. М. Головешченко
Редакция С. П. Бычкова
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnl@lib.ru>

В нашей вялой и прозаической жизни всякая новость возбуждает всеобщее внимание и сильно занимает собою умы всех и каждого. К числу таких новостей принадлежит вторичный приезд в Москву знаменитых петербургских артистов, Каратыгиных {92}. Кто не помнит, как засуетилась наша белокаменная во время их первого приезда, какая была давка у театра, как трудно было доставать билеты, как толковали и спорили об игре любимцев петербургской публики и в аристократических гостиных и гостиницах, и в плебейских горницах и трактирах, и на улицах и перекрестках? Кто не помнит знаменитого турнира, на котором было переломлено столько копий и pour и contre {За и против. - Ред.} во имя Каратыгиных П. Щ. и г. Шевыревым и ареною которого была "Молва" {93}. Кто не помнит, как г. Шевырев, после нескольких упорных и утомительных схваток, оставил поле битвы и не кончил сражения, обидевшись невежливостью своего хладнокровного и несговорчивого противника, не хотевшего поднять забрала своего шлема и провозгласить своего рода и имени?.. Оно, кажется, тут бы не на что претендовать: ведь журнальные турниры совсем не то, что рыцарские турниры. Благородные рыцари почитали предосудительным для себя сражаться с безымянными противниками, ибо вменяли в бесчестие подвергать свое благородное тело невежливому ударам какого-нибудь плебея и не видели никакой для себя славы в победе над противником незначного рода и племени; но в литературе геральдика вещь совершенно посторонняя; в ней важны дела, а не имена. Но всем уже известно, что г. Шевырев скрепу критических статей именами их авторов почитает самым верным для избежания от наветов, коварства и недобросовестности критики и крепко убежден, что критик, скрывающий свое имя, непременно должен иметь какие-нибудь недобрые умыслы в отношении к своему противнику... Как бы то ни было, дело не о том... и потому я обращаюсь к предмету моей статейки, под которой, однако, не подписываю полного моего имени, ибо хочу высказать мое мнение, а не блеснуть моим именем, которое очень неважно и до которого посему никому нет дела.

Итак, всем памятен шум и движение, произведенные прежним приездом в Москву г-на и г-жи Каратыгиных... Такое же ли точно действие произвел теперешний их приезд? Кажется, что нет. Правда, и теперь по утрам ужасная давка при раздаче билетов, и теперь ходенем ходит огромный Петровский театр от грома рукоплесканий нашей доброй и не слишком взыскательной публики, и теперь в той же самой "Молве" вышел к арене таинственный г. П. Щ. {94}, но рукоплескания уже не так единодушны и дружны, уже часто они прерываются и заглушаются ропотом неудовольствия; но таинственный г. П. Щ. что-то решительнее и резче, хладнокровнее и насмешливее в своем тоне и пока еще не встретил ни одного противника... Что бы это значило?.. Неужели г. Каратыгин, этот артист, так горячо любящий свое искусство, так глубоко и усердно изучающий его, вместо того чтобы итти вперед, пошел назад и сделался хуже?..

Нет: он все тот же, но уже не те обстоятельства: к нему присмотрелись, его разглядели, а прелесть новости потеряла свою магическую силу. Вот и разгадка этой загадки. В искусстве есть два рода красоты и изящества, так же точно, как есть два рода красоты в лице человеческого. Одна поражает вдруг, нечаянно, насильно, если можно так - сказать; другая постепенно и неприметно вкрадывается в душу и овладевает ею. Обаяние первой быстро, но не прочно; второй - медленно, но долговечно; первая опирается на новость, нечаянность, эффекты и нередко странность; вторая берет естественностью и простотой. Марлинский и Гоголь - вот вам представители того и другого рода красоты в искусстве. Я не отрицаю таланта в г. Марлинском и пока еще не вижу гения в г. Гоголе, но хочу только показать разность между талантом случайным, то есть развившимся вследствие или обстоятельств жизни, или направления,